

К Р О К О Д И Л

№ 21 ИЮЛЬ

К 556
15

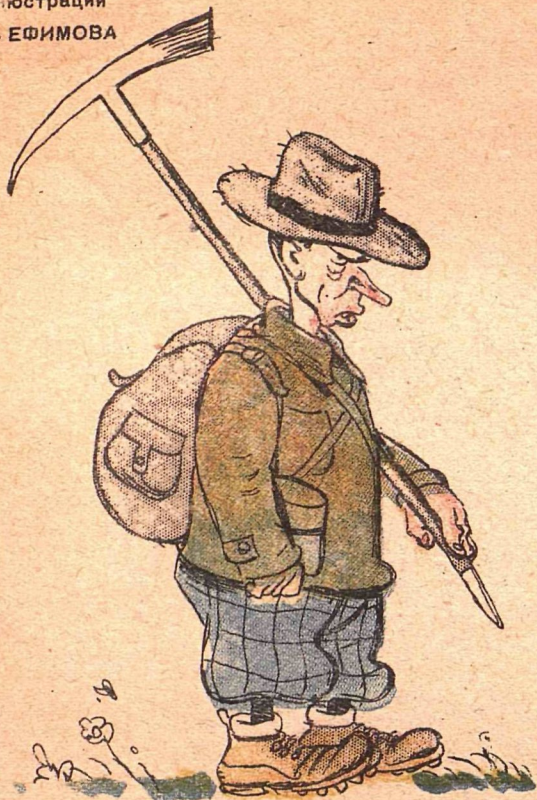
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1936

ВЫСОКОВАЛИФИЦИРОВАННАЯ
ОРУДИЙНАЯ ПРИСЛУГА В „ТРЕТЬЕЙ
ИМПЕРИИ“

ШТУРМ АЙ-КУРТА

До приезда Ключикова наша жизнь текла безмятежно и мирно. С утра мы уходили гулять в горы, а по вечерам катались верхом на старых клячах, которыми в розницу, почасно, торговали добродушно лукавые местные жители в пыльных войлочных шляпах.

Тихие эти идиллии кончились с приездом Ключикова.

Нас поразила его костюм. Несмотря на жару он был одет в толстую фланелевую куртку, широкие штаны из грубого клетчатого сукна и тяжелые башмаки, подбитые корабельными гвоздями. У пояса его висело что-то вроде кирки. Он сидел в плетеном кресле и сурово, как полководец, рассматривал в подзорную трубу небольшой снежник на ближайшей вершине.

— Видите этот снежник? — сказал Ключиков толстому Салатову. — Это и есть неприступный Ай-Курт, что значит Святая смерть. Не пройдет и двадцати часов, как я вонзю, виноват, вонзю мой верный ледоруб в белое безмолвие его ледяного покрова.

— Зачем? — спросил Салатов.

— Что зачем?

— Зачем вам нужно ни с того, ни с сего вонзять, виноват, вонзять ваш верный ледоруб в белое безмолвие ледяного покрова?

Ключиков с нескрываемым презрением посмотрел на Салатова.

— Что значит зачем? Впрочем, вы не альпинист! Вам непонятен восторг первовосхождения на вершину, которую еще ни разу не осквернила человеческая нога! Завтра я возьму ее штурмом. Мы сразимся с тобой, неприступный Ай-Курт, один на один!

В голосе маленького Ключикова было столько дьявольской самоуверенности и гордости, что мы с Салатовым с невольным уважением посмотрели на его спичечные шиколотки, безнадежно утопавшие в громадных горных ботинках.

— Возьмите нас с собой, товарищ Ключиков, — вдруг сказал Салатов, — мне тоже что-то захотелось вонзить свой ледоруб в какое-нибудь... этакое... безмолвие.

— И мне тоже захотелось, — робко признался я.

Ключиков подумал и согласился, проворительно заметив:

— До Ай-Курта вам, конечно, не дойти. Но, пожалуй, вы доберетесь до первого коша и там переночуете, а я пойду дальше. Вы вообще-то бывали в горах?

— Бывали, — плоско сострил Салатов, — на Воробьевых горах бывали, с американских катались. Мы с ним старые альпинисты!

Весь вечер прошел в лихорадочных сборах, а рано утром, когда весь санаторий еще сладко спал, мы выступили на штурм Ай-Курта, одетые по-походному, с рюкзаками через плечо. Впереди шагала мрачный, тощий Ключиков с нарочито длинным альпенштоком в руке.

Вскоре мы вступили в лес, покрывавший подножие горы. Отглянувшись на нас, Ключиков произнес строго:

— Имейте в виду, что у гор свои особые законы. Здесь слабые подчиняются сильным. Поэтому вы должны во всем слушаться меня. Дышите ритмично, широко раскрывая рот. Вот так.

— Я слышал, что нужно дышать носом, — сказал я.

— Без возражений. Дышите ритмично ртом!

Мы стали дышать ритмично, широко раскрывая рты. Через минуту Салатов подавился жуком и долго кашлял и плевался в тени развесистой чинары. Когда он вернулся, наконец, свободу бедному насекомому, мы тронулись дальше. Изредка оборачиваясь, Ключиков подбадривал нас грозными окриками:

— Смелее, друзья мои! Смелее! Дышите ритмично!

Наконец, лес стал редеть. Ключиков остановился, посмотрел на ручные часы и несколько удивленно сказал.

— Должно быть, мы открыли какую-то новую кратчайшую дорогу. Повидимому, кош остался направо. Если хотите, пойдем прямо к вершине. Вы будете штурмовать Ай-Курт вместе со мною. Вы не устали?

Пот градом катился по маленькому сморщенному личику Ключикова. Должно быть, ему было нестерпимо жарко в его фланелевой толстой куртке и арестантских штанах и самому очень хотелось отдохнуть. Но мы яростно замотали головами и в один голос заявили о нашей готовности штурмовать, не медля ни минуты, неприступный Ай-Курт.

Обреченно вздохнув, Ключиков сказал:

— Ну что ж, штурмовать так штурмовать! Дышите ритмично. Пошли!

Подъем стал чуть круче. Солнце светило вовсю. Цепляясь за траву, мы стали подниматься по голому склону. Ключиков все еще полз впереди. Но оборачиваясь к нам у него уже не было сил, поэтому он хрипло бормотал себе под нос:

— Смелее! Ритмично! Ртом!

Через полчаса он остановился и сказал плаксивым голосом:

— Вы, наверное, очень устали? Признайтесь откровенно. Может быть, сделаем привал перед штурмом? Чертовски трудное восхождение.

— Нет, нет! — решительно заявил здоровяк Салатов. — Идти — так идти. Вот уже вонзим верные ледорубы в белое безмолвие Ай-Курта, тогда и отдохнем.

— Возьмем, пожалуй... Дышите, чорт вас подери, ртом. Ритмично! Пошли!

Наконец, мы очутились на вершине. Глазам нашим представился небольшой грязноватый снежник весьма непривлекательного вида. Важно шумели сосны. Со всех сторон нас окружали высоченные, грозные снежные вершины, которых раньше не было видно.

— Друзья мои, — торжественно произнес Ключиков, совсем зеленый от усталости. — Поздравляю вас. Неприступный Ай-Курт взят нами штурмом. Вы стоите на земле, по которой ни разу не ступала человеческая нога.

— Странно, — заметил наблюдательный Салатов, — нога, может быть, и не ступала, но рука определенно побывала. Посмотрите: раз два, три — три открытые консервных банки. Судак в маринаде. Странно! Очень странно!

— Ничего странного нет. Могучая снежная лавина занесла сюда снизу остатки ужина какой-то горной экспедиции.

— Я слышал, что лавины обычно низвергаются с гор, подниматься на вершины они не умеют, — сказал я.

— У гор свои законы. Дайте мне одну банку. Нужно поскорее написать на бумажке наши имена, положить эту бумажку в банку и оставить здесь. Сделайте это вы, Салатов, а я пока составлю рапорт.

Вдруг мы услышали легкие шаги и, подняв головы, увидели маленькую черномазую девочку с корзинкой малины в руках.

— Здравствуйте, пожалуйста, — сказал удивленный Салатов. — Еще одна человеческая нога. Ты зачем сюда пожаловала, нога? За малиной? Странно. Всегда сюда ходишь за малиной? Очень странно. Товарищ Ключиков, как быть с этой ногой?

— Запишите имя этого храброго ребенка, — спокойно ответил Ключиков.

— Как тебя зовут, нога? — спросил Салатов испуганную девочку. — Мариам Нурбекова? Поздравляю тебя, Мариам. Ты тоже взяла штурмом неприступный Ай-Курт.

— Отметьте, что она все-таки поднялась позже нас, — обеспокоенно сказал Ключиков.

Мы взяли свои ледорубы в грязный, плотно слежавшийся снежник, в центре которого чернело нечто круглое, подозрительно напоминавшее след пребывания коровы, и стали закусывать. Насытившись, Ключиков мечтательно произнес:

— Мне как инициатору, пожалуй, дадут «Знак почета», а вам грамоты. Вы довольны? Про эту девочку я в рапорте упоминать не стану. Хватит с нее и записки в банке. Купите у нее малину, Салатов, и пусть она убирается к чорту. Воображаю, какую нам торжественную встречу закатит санаторий!

Спускаться с неприступного Ай-Курта было труднее чем подниматься потому, что нам с Салатовым пришлось нести Ключикова на руках. Он заявил, что стер себе ногу и не может передвигаться самостоятельно. Противно стелая, он стискивал наши шеи холодными потными руками и требовал, чтобы мы дышали ритмично. Достигнув опушки леса, мы сделали привал и закурили. Ключиков стал корректировать свой рапорт.

Вдруг раздалась громкая песня. Из леса прямо на нас вышло человек двадцать девушек и юношей в полном горном снаряжении. Впереди шагала широкоплечий гигант с лицом молодого Геракла.

— Привет, товарищи, — сказал Салатов. — Кто вы и куда направляетесь?

— Альпинисты Электростанции. Идем на штурм Ай-Курта.

— Опоздали! — ехидно засмеялся Ключиков. — Ай-Курт взят нами сегодня в 15 часов 16 минут. Вот рапорт!

— Не может быть. Покажите, как вы шли.

Ключиков сделал неопределенный жест рукой. Юный гигант засмеялся и вместе с ним стали смеяться все девятнадцать его спутников.

— Чудак человек, — сказал Геракл, отсмеявшись, — от того снежника, где вы были, до основания Ай-Курта шесть часов ходу. Поняли — шесть часов!

Через час мы выволокли убитого, смертельно усталого Ключикова из леса и сложили его бранные останки у обочины дороги. Идти он окончательно не мог. Добрый Салатов отправился на поиски лошади и через час вернулся в сопровождении гражданина, погонявшего хворостинной старого толстого осла. Мы погрузили незадачливого альпиниста на это малопочтенное животное и тронулись в бесславный путь.

— Имейте в виду, Ключиков, — сказал Салатов, когда показались белые строения санатория, — я расскажу все. Боюсь, что вам придется завтра же запаковать ваш верный ледоруб и дать тягу. У наших санаторников острые языки.

— Чорт бы задрал эти проклятые горы! — застонал бедный Ключиков и обморочно обнял толстую ослиную шею.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

НОВОСЕЛЬЕ

Новый мануфактурный магазин должен был надвигаться открыться в новом пятиэтажном доме. Перед этим домом был разбит цветник, росли молодые березки. Завязг ходил по будущему магазину, недовольно хмыкая:

— Все это ничего... Но...

— Чего вы еще хотите? — удивлялся член приемочной комиссии. — Кажется, все по последнему слову техники. Смотрите, сколько свету, воздуху!..

— Что мне свет, что мне воздух, не со светом, не с воздухом мне жить...

Он вышел на порог магазина и опять покачал головой:

— Ведь как строят, как строят. Совсем не принимают в расчет, что здесь будет магазин...

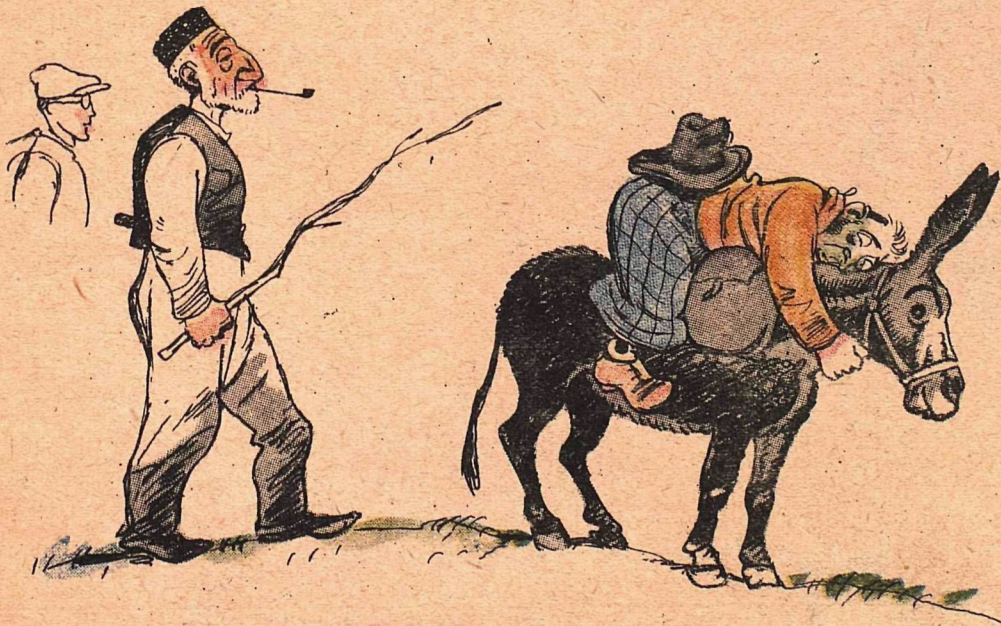
И, круто повернувшись, сказал:

— А двор где?

— Какой двор?.. Зачем вам двор? Вот какой чудный цветник перед домом!

— И что же я... На этом цветнике очереди буду выстраивать?! Нет, ты мне двор дай, где они у меня шито-крыто будут... Архитекторы!..

В. ТОБОЛЯКОВ

ВАСИЛЕЧКИ-ВАСИЛЬКИ

Рис М. Черемных

— Кому цветы?
— Агроному. Он их так любит,—все поле отвел под цветы, ржи совсем почти не осталось.

ЗУБ МУДРОСТИ

В нашей местности имеются прекрасные живописные уголки: и горы, и речки, и кусты. Бугры, с которых приятно наблюдать восход солнца, а также затмение. Что касается воздуха, то он у нас очень замечательный — хороший воздух, чистый и здоровый.

Замечательно у нас! Только предупреждаю: не в самом городе, а на периферии. То есть, в районе. И чем дальше от нашего города, тем воздух чище и цветы красивей распускаются.

Летом сюда многие из города на дачу выезжают. Здесь хорошо отдыхать. Кто желает худеть, — худеет. Кто стремится к полноте, — пожалуйста. Загореть можно.

Живут в этих местах не одни дачники. Есть и так вообще — люди, граждане и гражданки, а также несовершеннолетние. Живут и не скучают. И работают, и в кино ходят, и песни поют, и разные цифровые сводки составляют.

Но есть тут и другая категория обитателей. Это наши горожане, переброшенные сюда, на свежий воздух, за разные провинности.

Вот кассир, у которого при ревизии оказалась недостача сумм на мелкий текущий ремонт. Его сняли с работы и перевели в район! Здесь несчастный получил прибавку жалованья и квартиру на живописном берегу речки.

Вот шофер, не раз подвергавшийся штрафам за автолихачество. Его за все эти проделки сослали в район, пусть загорает. Служит он теперь шофером в совхозе и недавно врезался с машиной в стадо и окончательно задавил быка и трех телят.

Жители района стали даже обижаться:

— Иванов, скажем, провинился — вы его к нам. А мы-то чем провинились, что вы шлете к нам Иванова?

Ноль внимания. Нельзя же, в самом деле, принимать во внимание каждую жалобу с периферии.

Недавно хотели одного заядлого бюрократа досрочно вернуть из района. Он, мол, исправился, перековался. Так тот, узнав об этом, насмерть испугался. Послал телеграмму:

«Еще не окончательно перековался тчк Чувствую нужно еще минимум два года энт чтоб полностью ликвидировать

свое свинство тчк Телеграфьте согласие ответ оплачен»...

Бывают такие факты не только у нас. Но, насколько нам известно, и в городе Красноводске, что на берегу Каспийского моря.

Море, конечно, тут не при чем. А вот люди — те иногда чудят. Вот пример.

Недавно у одного тамошнего жителя, у Василия Ефремовича Шелковенко, разболелись зубы.

Что сделал гражданин Шелковенко? Ничего особенного. Он поступил так, как в подобных случаях поступает любой член профсоюза: кряхтя и охая, держась рукой за щеку, он побрел к зубному врачу, в железнодорожную амбулаторию.

А врач Разумовский поковырял, конечно, в зубах больного. Поковырял и сказал:

— Глубоко ошибаетесь, гражданин.

— В чем ошибаюсь? — пролепетал Шелковенко.

— У вас зубы здоровые.

— Но мне больно.

— Это вам кажется, потому что вы не врач.

— Больно!

— Нет, вам не больно. Слушайте, что вам говорит наука. Не будьте обывателем.

— Но все же болит.

Шелковенко оказался очень надоедливым субъектом. Он ушел домой, охая от боли. Хуже того: всю ночь не спал. И рано утром опять пошел в амбулаторию. Бывают такие люди!

Утром врач Разумовский опять полез в рот к Шелковенко. И вдруг из уст врача раздались ликующие крики:

— Ага! Нашел! У вас же растет зуб мудрости. Просто удивительно! В таком возрасте — зуб мудрости. Он-то и дает себя знать. Но мы его, голубчика, укротим.

Врач Разумовский немедленно садится в кресло и выписывает рецепт.

— Вот. Сбегайте в аптеку. Возьмите мазь. Смажьте и будьте вы мне здоровы.

Обнадеженный Шелковенко летел, как на крыльях, в аптеку. Пришел домой, смазал и...

И — ничего. Болит.

Шелковенко — в райздрав. Там собирают комиссию из зубных специали-

стов, комиссия устанавливает, что врач Разумовский не имел права выписывать такой рецепт, что его мазь может привести в бешенство даже медведя, не то что человека с нервами.

Потом эту мазь проверяли московские специалисты из Государственного института стоматологии и одонтологии. Подходящая, говорят, мазь. Но дело не в мази, а вот в чем.

Мы запросили красноводский райздрав. Мы пожелали узнать, чем все это кончилось. Получили ответ:

... Красноводский райздрав сообщает, что нами созывалось совещание по расследованию... Присутствовало, помимо врача Разумовского, еще два врача: доктор Аюпов и доктор Черноглазова — и единогласно заявили, что данный рецепт ни с какой стороны не применяется в зубной практике. Доктор же Разумовский ошибки не признал.

Надо сказать, что помимо того, что он плохой лекарь, он еще и большой склочник. Райздрав за подобные факты...

И тут следуют так называемые оргвыводы. Какое же суровое наказание придумал райздрав для недобросовестного врача и склочника?

Снять с работы? Предать суду?

Нет, более суровое, более страшное. А именно:

... райздрав за подобные факты переводит доктора Разумовского в район...

Если у Шелковенко появился зуб мудрости, то он, Шелковенко, этим, надо полагать, резко отличается от руководителей красноводского райздрава. По всем статьям выходит, что у них такой зуб появиться не может. Не та почва.

Райздрав кроме всего прочего пишет нам:

... Если вы находите нужным, можете опубликовать (решение райздрава), чтобы было уроком для других...

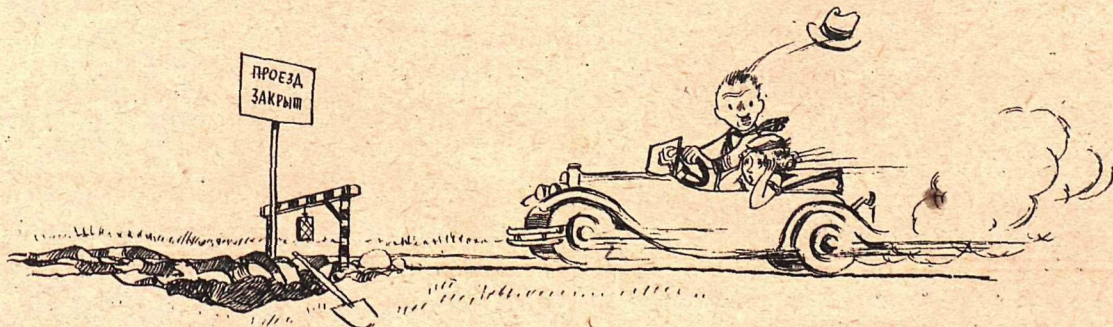
Находим нужным. Публикуем.

Чтобы было уроком для других... бюрократов, так тепло относящихся к району.

Г. РЫКЛИН

НОВИЧОК У РУЛЯ

Рис. М. Храпковского

— Скорее разыщи мне справочник: я забыл, как нужно тормозить.

Карел Чапек

Это было обыкновенное полицейское происшествие: в четыре часа утра на Житной улице автомобиль переехал пьяную старуху и умчался с величайшей скоростью. И вот молодому полицейскому следователю доктору Мейзлику надо было установить, чей был автомобиль. Столь молодой следователь всегда берет за дело всерьез.

— Гм, — сказал доктор Мейзлик, — обращаясь к полицейскому № 141, — итак вы видели в трехстах шагах быстро мчащийся автомобиль, а на земле — человеческое тело. Что вы сделали в первую очередь?

— Прежде всего, я побежал к пострадавшей, — докладывал полицейский, — чтобы оказать ей первую помощь.

— В первую очередь вы должны были обратить внимание на машину, а уж потом заботиться о бабе. Но возможно, — добавил он, почесывая карандашом в голове, — что и я поступил бы точно так же. Итак, номера машины вы не заметили. Ну, а в остальном?

— Я думаю, — сказал неуверенно полицейский № 141, — что он был темного цвета. Возможно, что он был синий или красный. Точно нельзя было различить из-за дыма.

— Ах, господи боже мой! — сетовал доктор Мейзлик. — Ну как я с такими данными установлю, что это за автомобиль? Не бегать же мне по всем шоферам и выспрашивать: «Скажите, пожалуйста, не переехали ли вы старую бабу?» Ну, сударь, что же мне делать?

Полицейский пожал плечами с беспомощностью подчиненного.

— Явился один свидетель, — сказал он, — но тоже ничего не знает.

— Приведите его, — сказал доктор Мейзлик, с неохотой берясь за тощий протокол в напрасном стремлении найти в нем хотя что-нибудь.

— Ваша фамилия и местожительство? — сказал он механически, даже не посмотрев на свидетеля.

— Кралик Ян — студент механического факультета, — четко произнес свидетель.

— Вы были при том, как неизвестный автомобиль переехал сегодня в 4 часа утра Божену Махачкову?

— Да, и я должен сказать, что виноват шофер. Помилуйте, пан комиссар, улица была совсем пуста, и если бы шофер на перекрестке замедлил ход...

— Как далеко вы находились? — прервал его доктор Мейзлик.

— В десяти шагах; я провожал приятеля из... из кафе, а когда мы были на Житной улице...

— Кто такой ваш приятель? — прервал его снова доктор Мейзлик. — Он здесь не указан.

— Ярослав Нерад, поэт, — сказал свидетель не без гордости, — но он вам, пожалуй, ничего не сможет сказать.

— Почему же? — проворчал доктор Мейзлик, готовый ухватиться и за соломинку.

— Потому что он... Такой уж он поэт. Когда случилось несчастье, он стал плакать и побежал домой, как малое дитя... так вот, когда мы шли по Житной улице, нас обогнал с сумасшедшей скоростью автомобиль.

— Номер?

— Этого, простите, не знаю. На это я не обратил внимания. Я обратил внимание на его сумасшедшую езду и заметил себе, что...

— Какой это был автомобиль?

— Четырехтактный мотор внутреннего сгорания, — заявил свидетель со знанием дела. — Впрочем, в марках автомобилей не разбираюсь.

— Какого цвета? Кто в нем сидел? Был он закрытый или открытый?

— Не знаю, — сказал пораженный свидетель. — Это была, пожалуй, черная машина, более определенно не заметил, потому что когда произошло несчастье, я сказал Нераду: «Смотри, вот негодяи, переедут человека и даже не остановятся!»

— Гм, — недовольно заметил доктор Мейзлик, — это вполне уместная и справедливая моральная реакция, но я бы более был доволен, если бы вы запомнили номер машины. Ужасно, до чего люди не умеют наблюдать. Благодарю, пан Кралик, не стану вас задерживать.

Через час полицейский № 141 позвонил к квартирной хозяйке поэта Ярослава Нерада. Да, пан поэт дома, но он еще спит. Поэт в дверях выпучил на полицейского маленькие испуганные глазки. Он никак не мог припомнить, что он, собственно, натворил. Но в конце концов, все же сообразил, почему надо идти в полицию.

— Это обязательно? — спросил он недоверчиво. — Я, собственно, ничего и не помню: я был ночью чуть-чуть...

— Нализавшись, — понимающе подсказал полицейский. — Я знавал на своем веку много поэтов. Ну так одевайтесь. Подождать вас здесь?

Поэт и полицейский разговорились о ночных заведениях, о жизни вообще, об особых знамениях на небе и многих других вещах; только политика была им обоим чужда.

Так, в дружественной и поучительной беседе, добрался, наконец, поэт до полиции.

— Вы, пан Нерад Ярослав, поэт? — обратился к нему доктор Мейзлик. — Вы были свидетелем, как неизвестный автомобиль переехал Божену Махачкову?

— Да! — вздохнул поэт.

— Не могли ли вы сказать мне, какой это был автомобиль? Закрытого или открытого типа, какого цвета, кто сидел в нем, и какой у него номер?

Поэт усиленно вспоминал.

— Не знаю, — сказал он. — Не заметил.

— Не припомните никаких подробностей? — налегал Мейзлик.

— Куда там! — сказал поэт откровенно. — Я вообще не обращаю внимания на подробности.

— Скажите, пожалуйста, — заметал иронически доктор Мейзлик, — на что же вы вообще обратили внимание?

— На общее настроение, — ответил неопределенно поэт. — Представьте себе: пустая улица... такая длинная на рассвете... и женщина лежит там...

Вдруг он спохватился:

— Да ведь я об этом кое-что написал, придя домой! — он стал шарить по всем карманам, извлекал множество конвертов, счетов и тому подобных лоскутов.

— Нет, это не то, — бормотал он, — это тоже не то... Постойте, кажется, вот оно, — сказал он, наконец, потружаясь в исследование края какого-то конверта.

— А ну, покажите-ка, — сказал доктор Мейзлик снисходительно.

— Да ничего особенного, — сопротивлялся поэт. — Впрочем, если хотите, я вам это прочту. — И, выкатив вдохновенные глаза и напевно растягивая долгие слова, он стал декламировать:

«Марш темных зданий

раз, два.

О рота, стой!

Зорька и мандолин игра.

Дева, ты так зачем красна?

Поедем гоночным

120 HP

на света край

Хоть в Сингапур,

стой, стой!

Авто летит,

Любви великой труп

в пыли лежит.

Дева, о сломленный бутон!
И шея лебеда
И груди,
Литавры,
Барабан...
Зачем так много слез?..»

— Вот и все! — произнес Ярослав Нерад.

— Помилуйте, — сказал доктор Мейзлик, — что же это должно означать?

— Это и есть несчастный случай с автомобилем, — недоумевал поэт. — Разве непонятно?

— Я думаю, что нет, — заметил доктор Мейзлик критически. — Я из этого затрудняюсь понять, что в ночь на 15 июня, в 4 часа утра, на Житной улице автомобиль номер такой-то переехал пьяную нищенку Божену Махачкову 60 лет от роду; раненая была отвезена в городскую больницу и находится в предсмертной агонии. Об этих фактах, поскольку я заметил, вы не упоминаете в вашем стихотворении.

— Ну, это все лишь внешняя действительность, — ответил поэт, дергая себя за нос. — А стихотворение — это действительность внутренняя.

— Помилуйте! — вырвалось у доктора Мейзлика. — Впрочем, стойте, дайте-ка мне этот ваш опус. Спасибо. Ну, так вот... Гм: «Марш темных зданий, раз, два, о рота, стой». Пожалуйста, объясните мне это.

— Это Житная улица, — ответил невозмутимо поэт. — Понимаете ли, такие две шеренги домов.

— А почему бы этим не мог быть, например, Народный проспект? — скептически спросил доктор Мейзлик.

— Потому что он не такой прямой, — гласил убедительный ответ.

— Ладно, дальше: «Зорька и мандолин игра», — допустим. «Дева, ты так зачем красна?» Откуда взялась эта девчонка?

— Заря, — ответил лаконически поэт.

— Ага, простите... «Поедем гонимым 120 НР на света край». Ну?

— Ну вот проехал этот самый автомобиль, — объяснил поэт.

— В 120 сил?

— Не знаю. Это просто обозначает, что он быстро ехал, — как если бы хотел улететь на край света.

— Ах, так! «Хоть в Сингапур?» Ради бога, почему же именно в Сингапур?

Поэт пожал плечами:

— Уж и не знаю. Пожалуй, потому, что там живут малайцы.

— А какое отношение этот автомобиль имеет к малайцам? А?

Поэт вертелся в затруднении.

— Возможно, что эта машина была коричневая. Вы не думаете? — сказал он задумчиво.

— Что-то коричневое там, наверно, было. Почему бы иначе здесь быть Сингапур?

— Видите ли, — сказал доктор Мейзлик, — автомобиль был или красный или синий или черный. Что же выбрать?

— Выбирайте коричневый, — посоветовал поэт, — это приятная окраска.

— «... Любви великой труп в пыли лежит. Дева, о сломленный бутон!» — читал, далее, доктор Мейзлик, — «сломленный бутон» — это и есть пьяная нищенка?

— Не стану же я писать о пьяной нищенке, — возразил задетый поэт, — это просто была женщина, понимаете?

— Ага... ну а это что: «и шея лебеда и груди, литавры, барабан». Это тоже вольные ассоциации?

— Покажите, — сказал озадаченный поэт и склонился над бумагой.

— «И шея лебеда и груди литавры...», — что бы это могло быть?

— Об этом я и спрашиваю, — ворчал доктор Мейзлик с оттенком извительности.

— Погодите, — обдумывал поэт, — несомненно, было что-то напимнившее мне... Послушайте, вам никогда не казалось, что двойка похожа на шею лебеда. Смотрите, — и он написал карандашом «2».

— Ага! — сказал доктор Мейзлик — весь внимание. — Ну, а груди что?

— Да это ведь «3» — две округлости, не так ли? — удивлялся сам поэт.

— Еще у вас — «литавры и барабан», — напряженно воскликнул полицейский чиновник.

— «Литавры и барабан», — размышлял поэт, — «литавры и барабан»... это, пожалуй, могла быть пятерка. Не так ли? Смотрите, — сказал он и написал цифру «5». Вот брюшко — это вроде барабана, а над ним литавры.

— Стойте, — сказал доктор Мейзлик и записал на бумажке «235». — Вы уверены, что у автомобиля был номер 235?

— Я вообще не заметил никаких цифр, — заявил решительно Ярослав Нерад. — Но что-то там должно было быть. Откуда бы это иначе взялось? — продолжал он удивляться. — А знаете: это место, пожалуй, самое лучшее во всем стихотворении.

Через два дня доктор Мейзлик посетил поэта. На сей раз поэт не спал. У него была какая-то девица, и он напрасно искал свободный стул, чтобы предложить его полицейскому чиновнику.

— Я сейчас же бегу дальше, — сказал доктор Мейзлик, — я пришел лишь сказать вам, — что это был в самом деле автомобиль № 235.

— Какой автомобиль? — ужаснулся поэт.

— «И шея лебеда и груди, литавры, барабан», — выпалил доктор Мейзлик единым духом, — «и даже Сингапур».

— Ага, понял, — сказал поэт. Видите, вот она, внутренняя действительность. Хотите, прочту вам еще парочку стихов? Теперь уже вы разберетесь.

— До следующего раза, — быстро ответил полицейский чиновник, — до следующего происшествия.

КАРЕЛ ЧАПЕК

Перевод с чешского А. СЕРГУНОВ

СПОРТИВНЫЙ СЕЗОН В РАЗГАРЕ

Рис М. Храпковского

— С завтрашнего числа зачислите этого товарища на должность старшего экономиста. Стола ему не ставьте, но купите ему за наш счет три пары обуви: он будет играть правого хавбека.

КООПИРОВАННЫЙ:—Раньше меня избирал один наш председатель, и ясно было, перед кем стараться. А теперь избирателей столько,—хоть разорвись, чтобы их ублажить...

Д В Е Р Ь

Начальника боялись все подчиненные, дрожали перед ним. Разница была только в том, что крупные подчиненные дрожали мелкой дрожью, а мелкие подчиненные—крупной дрожью. По совести сказать, этот начальник и сам был не совсем доволен своей грубостью. Но отвыкнуть от нее не мог. Еще больше ему не понравилась трусость подчиненных.

«Типцы же,—иногда думал он,—хоть бы какой-нибудь стукнул дверью, что ли...»

Как раз, когда начальник думал об этом, в кабинет вошел малозаметный калькулятор и сказал скороговоркой:

— Я хотел, товарищ начальник, попросить отпуск на месяц раньше. У меня есть уже путевка.

— Путевка ничего не доказывает. Надо, чтоб дело не пострадало. Порядок отпусков распределен в декабре. И все.

«Распределен,—думал калькулятор,—небось сам уж два раза в Сочи с'ездил.»

«Да ты бы хоть возмутился,—мысленно говорил начальник.— Не пропадать же путевке. Эх, ты!..»

— Значит, что ж?.. — поглядел калькулятор в открытое окно.

— Значит, ничего-с! Разговор окончен.

Калькулятор пошел из кабинета и так хлопнул дверью, что в кабинете начальника все задрожало.

— Послушайте! — крикнул начальник. — Давайте сюда заявление. Ладно, разрешаю... — и добавил:

— Надо давно было быть храбрее, независимее. Вот отлично, что дверью хлопнул. Правильно...

— Я извиняюсь... Это не я.

— А кто же?

— Сквозняк... — и, получив бумажку, калькулятор, сдерживая дверь, с трудом закрыл ее без стука.

В. ТОБОЛЯКОВ

СТАТЬЯ 123-я

Эти двое граждан познакомились на сеансе в детском кинотеатре. И, так как домой им обоим было по пути, знакомство стало переходить в дружбу со скоростью, мыслимой только в этом возрасте.

— Ты в каком классе?.. — спросил более вихрастый из собеседников.

Вновь обретенный приятель его, у которого некоторый недостаток вихров возмещался обилием веснушек, солидно ответил:

— В четвертом. А ты?

— Я тоже. Я в 27-й школе.

— А у нас 73-я школа. Была ФОНО, фрунзенская, а теперь КОНО, Киевского района.

— А у нас в классе ребята,—что надо. У нас один мальчик может на руках ходить. Долго. Через весь класс. Мы ему говорим: «Мустафа, пойд!»—он сейчас брык—и идет.

— А что значит «Мустафа»?

— Имя. Его так зовут.

— Врешь. Мальчиков Мустафами не называют.

— Это русских так не называют. А он татарин.

— Вре-ошь?.. Неужели у вас в классе есть татарин?

— Угу. Татарин. Мустафа Саметдинов.

— Это вам везет. А у нас в школе мало кто из учеников другой этой... как ее?..

— Нации?

— Во-во. У нас грузин есть один — Жорка Гогидзе.

— Это верно. У нас тоже есть немец — Бартельс, Эмка. Его папа — иностранный немец, инженер. Так Эмка, когда поступал к нам в первую группу, то по-немецки говорил лучше чем по-русски. А вчера ему немка вцепила неуд.

— А у нас Стасик Цишевский, такой дурак, вчера пришел и откуда-то выдумал, что он поляк. Только ему никто не поверил.

— У нас есть во дворе одна девочка, так у нее папа — китаец, а мать — русская...

— Это здорово!

— Угу. Обыкновенная такая девочка, в классы любит играть, а у самой на глазах эти вот... как их?..

— Веки?

— Угу. Веки наоборот: нижнее веко у ней наверху, а верхнее, наверное, пошло вниз.

— Вот немец есть — Бартельс Эмка.

— Это ты уж говорил...

— Что ж еще? Еврей есть... Оська Гольдблат говорит, что его батька ему говорил, что когда он был молодым, батька то-есть, то он ел какую-то ихнюю мацу.

— Все-таки здорово!..

— Да... Потом Светлана Корзакова говорила, что у нее бабушка — француженка. Мы даже ходили нарочно смотреть эту бабушку.

— Ну, как?

— Ничего. Бабушка — как бабушка. У всех такие. Сердитая. Только — усики у нее черные.

— Хоть разусики. Какой интерес? Разве с бабушкой можно брататься?

— Конечно, ерунда. Нет, вот мне рассказывали, что в одной школе учится мальчик — негр. Вот это здорово!

— Во-первых, негры все учатся в английской школе, потому что у негров папы — американцы.

— Верно. А у этого папа — советский негр. Он в цирке служит. И пожалуйста: в классе сидит настоящий негр!

— Чорт... везет же людям!..

— Ого! Я все хочу только узнать, как негрятинский мальчик может узнать, что уже пора руки мыть?

— Д-да... положение!.. А знаешь, в Америке сволочи-капиталисты не позволяют негров пускать в школы. Для них отдельно строят.

— Вот дураки! Пусть бы они прислали нам всех негрят, вот мы бы обрадовались!

— Ого! Распределили бы по всем школам, никому чтобы обидно не было, по-русски бы научили, как этого... вашего немца...

— Бартельса? Эмку? Обязательно! И на демонстрацию вместе ходили бы и всюду...

— Давай напишем письмо, чтобы негрят всех — к нам.

— Давай! Только кому писать?

— Да... вот — кому?..

В. АРДОВ

ДЕЛО О ВЫЕДЕННОМ ЯЙЦЕ

Это очень грустно, но гражданина Довганя, по его собственному выражению, «...вот уже больше года подобно спруту опутывает горе, стискивает, отчего он буквально задыхается и не в силах освободиться...»

Это тем более прискорбно, что гр. Довгань не кто-нибудь, не какая-нибудь незаметная сошка, а солист оркестра Эриванской оперы по деревянным инструментам, работник эриванского радиовещания, преподаватель Государственной консерватории, в свое время внес свою лепту в фонд строительства агитэскадрильи им. Максима Горького и начиная с 1928 по 1936 год пожертвовал в пользу МОПР немалые суммы.

Мы ничего не говорим здесь, что не было бы подтверждено документами. И о консерватории, и о радио, и о своих жертвованиях гр. Довгань прислал нам документы, заверенные Эриванской нотариальной конторой.

И вот такого ценного гражданина «подобно спруту опутывает и стискивает» горе, отчего он буквально задыхается и т. д. Дотронемся же своими трепетными перстами до вот уже больше года отверстых ран гр. Довганя. Поинтересуемся происхождением спрута.

Коротко. 7 февраля прошлого, 1935 года гр. Довгань пришел к директору Эриванского государственного цирка на предмет получения контрамарки. Контрамарка требовалась гр. Довганю не для наслаждения высоким искусством тамошних циркачей. Ему нужно было срочно по важному делу поговорить с находившимся там своим учеником, который как раз сидел в цирке, чтобы наслаждаться упомянутым искусством. Переговоры с директором не привели ни к чему, и гр. Довгань вынужден был приобрести в кассе за наличный расчет билет. Это уже само по себе было чрезвычайно прискорбно. Но самое трагическое было впереди. Когда Довгань, поговорив со своим учеником, немедленно обратил свои стопы к выходу, он увидел, как директор, недавно отказавший ему в контрамарке, другим трем работникам оперы таковые выдал.

«Видя это, я заметил Мальскому (директор цирка), что он был «весьма любезен» к моей персоне и что я в свою очередь постараюсь ему отплатить «не меньшей любезностью», когда он или его близкие сообразоволят попасть к нам в оперу, на что со стороны Мальского получил ответ: не пугайте и убирайтесь отсюда вон».

Вот тут-то и начинается то самое горе, которое «подобно спруту больше года» и т. д. Вот уже больше года Довгань не устает писать жалобы. Он доводит о приключившемся прискорбном факте до сведения поочередно дирекции и месткомов госоперы, консерватории, председателя союза Рабис, председателя горсовета, он стал частым посетителем бюро жалоб, городской прокуратуры, редакции газеты и т. д.

И всюду оскорбленный гр. Довгань наталкивается на непонимание. Люди никак не могут понять, почему нужно директора цирка, который ответил грубостью на грубость, обязательно привлекать к уголовной ответственности.

Президиум эриванского союза Рабис констатирует, что оба участника этого печального инцидента «являются нервными людьми, вследствие чего и произошел недопустимый случай. Предупредить в будущем иметь корректное отношение».

Постановление не совсем грамотное по форме, но правильное по существу.

— Ах, так,—вскричал тогда гр. Довгань. Зловеще улыбаясь, он ставит перед своими «кучерами и погонщиками», как он элегантно называет директоров советских предприятий, в которых он работает, вопрос о том, что он хочет уехать из Эривани, «поскольку не могут защитить его чести».

«...Так как приближались сроки перезаключения моих договоров на будущий год, то я и объявил моим кучерам... извиняюсь, директорам, дабы, так как они проявили необыкновенную заботу обо мне, не рассчитывали в будущем на меня. Само собой разумеется, что все мои погонщики (опять-таки вынужден извиниться) не на шутку всполошились, когда убедились, что решение мое непреклонно, и тогда все наперебой стали за мной ухаживать, вернее, охаживать, глядишь, один хозяин гащит ордер на костюм (тогда еще существовала ордерная система), другой — на ботинки, третий — на пальто и т. д...»

Директор оперы был вынужден кроме того выдать гр. Довганю специальное письменное, скрепленное печатями и штампом обязательство «добиться пересмотра решения правления Рабис по поводу инцидента... и добиться морального удовлетворения тов. Довганю».

А ввиду того, что полного морального удовлетворения в желательном для него объеме гр. Довгань до сих пор не получил, он и обратился в редакцию журнала «Крокодил» с просьбой довести до сведения советской общественности об этом возмутительном деле, что мы и делаем.

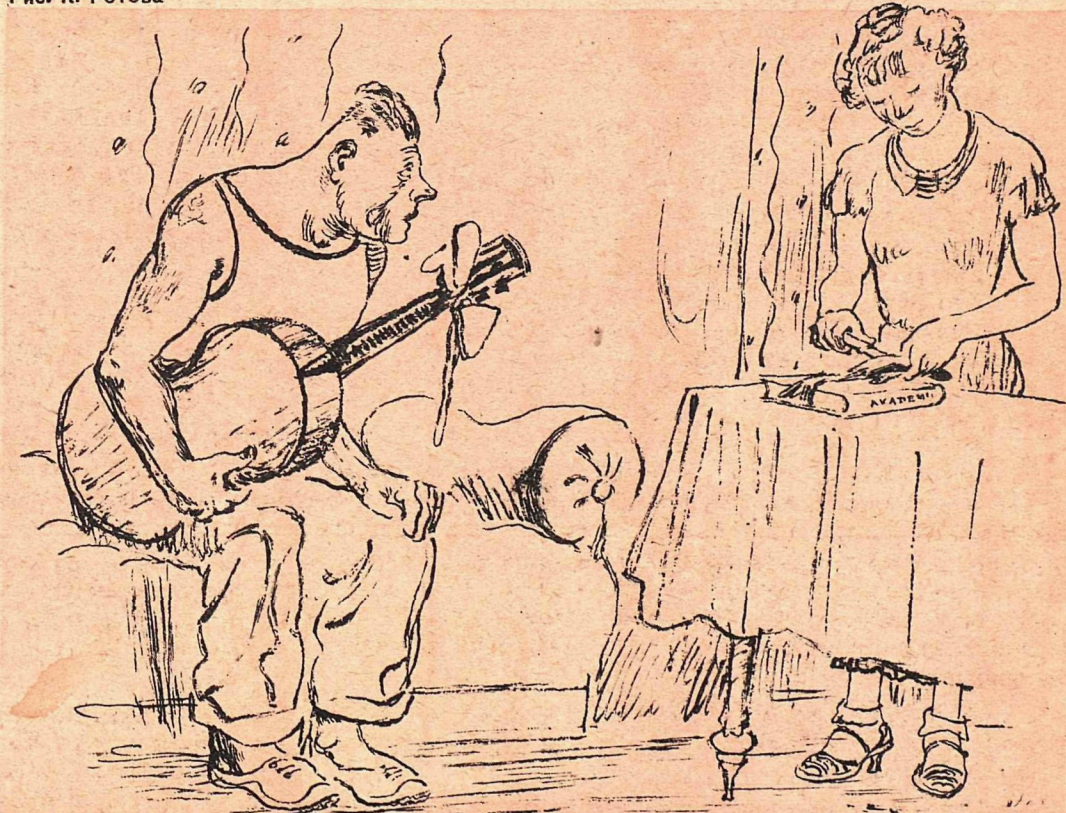
Мы выражаем свое глубокое сочувствие всем лицам и организациям, которых гр. Довгань успел ошельмовать начиная с мрачного дня 7 февраля 1935 года. Нам очень жаль, что он отрывал неоднократно работников, занимающихся полезным трудом, для рассмотрения своего дела, которое в лучшем случае стоит выеденного яйца.

Но будем справедливы. Мы вынуждены выразить свое огорчение по поводу упущений, которые совершили все эти лица и организации. Они должны были своевременно и резко поставить гр. Довганя в известность, что он есть законченный в своей пакостности и хамстве представитель вымирающего племени сутяг. Они должны были это сказать резко, чтобы гр. Довгань перестал раз и навсегда спекулировать лозунгом о внимании к человеку.

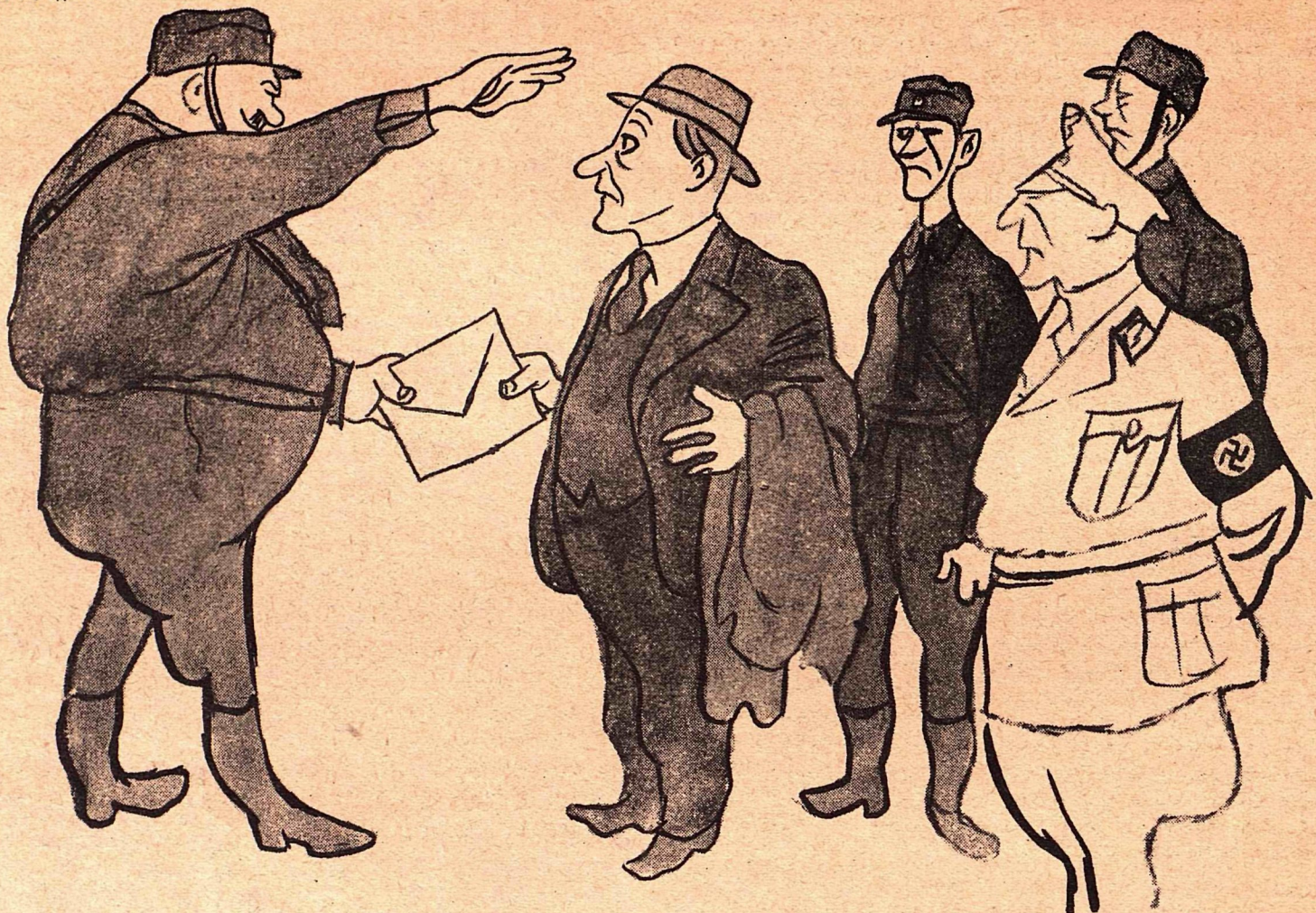
Л. ЛАГИН

НА ВСЕ СВОИ ЗАКОНЫ ЕСТЬ

Рис. К. Ротова

— Что ты, не знаешь, что ли: если книга библиотечная, то сеledку надо чистить не на обложке, а на раскрытых страницах!

ШТУРМОВИК (избирателю):— А ну, покажите ваш избирательный бюллетень, голубчик... Какие могут быть между друзьями тайны.

НЕ НИЖЕ ДОВОЕННОГО

— А ты знаешь, — радостно воскликнула жена, — жизнь стала не ниже довоенного... Ей богу, Витя, не ниже довоенного... — и она стала разворачивать свертки большие, маленькие и средние, в которых скрывались и замшевые туфельки, и пластинка «Твой маленький ноготь мне все рассказал», и «Путешествие Гулливера» в роскошном переплете.

И то, что все покупки были аккуратно упакованы и перевязаны оранжевыми ленточками, и то, что в новой трехкомнатной, красиво и просто обставленной квартире блестел паркет, — все это наполняло хозяев дома чувством молодости и счастья. С каким удовольствием в свободные дни они встречают здесь своих друзей... Как хорошо здесь и потанцевать, и попеть, и поспорить!..

Но беспокойство неожиданно посещает супругов Зайкиных. Так ли они живут, как принято у «людей»? Нет, нет, кажется не так! Иначе, как понять фразу Олимпиады Гавриловны, что «у вас мило, но простенько!» Или намеки друзей, не менее уважаемых знакомых, что им пора, наконец, окружить себя «настоящими людьми»? И супруги начинают сомневаться... Действительно, чем замечательны прежние посетители дома? Заладят какой-нибудь разговор об «Эпроне», точно они водолазы, или о грядущей войне, точно они командармы?!

И вот, ближайшая же покупка супруга Зайкина, плюс сбережения, отложенные на приобретение велосипеда для Толи, целиком уходят на закупку в комиссионном магазине двух кресел с золочеными ножками, стиль «Луи каторз», и могучей малахитовой вазы неопределенного назначения. Затем комплектом закупаются книги издания «Академия», в пышных переплетах, и на самом видном месте ставятся в шкаф. Маленькому же Толе раз и навсегда объясняют, что

эти книги не для чтения, и если он полезет в шкаф, то будет жестоко наказан...

Итак, пожалуй, в доме Зайкиных стало как «у людей». Теперь дело за «интересным обществом». И вот, в следующий «выходной», в результате изнурительных хлопот, появляются: довольно известный сценарист Х. Х. Смертный; бывший капитан N с тихоокеанскими воспоминаниями и 123-я герл, очаровательная Дюна Люкс.

Деликатный, но абсолютно никому неинтересный разговор не клеится... Напрасно бывший капитан рассказывает о заправском «штурме», свидетелем которого он был в 1921 году, усиленно подчеркивая, что в наше время «штурмы» явно мельчают. Напрасно 123-я герл рассказывает о неукротимых интригах 124-й герл. Это не радует. И вдруг хозяева приходят к суровой, но трезвой мысли, что от «настоящих» гостей радости ожидать не следует... Что эта порода существует совсем для иных целей... Главное, для того, чтобы всемерно убедиться в безусловном превосходстве хозяев... Именно с этой целью заспанного Толю заставляют декламировать стишки; именно поэтому, как бы невзначай, гостей заводят в спальню, где висит новый текинский ковер... Невеселые и недобрые ощущения отражаются на лицах гостей. Положение спасает только тетя Клаша, с притворной улыбкой приглашающая «дорогих гостей» к столу.

Кстати, откуда возникают тети Клаши с их притворными улыбками?

А это только одна из частиц конвейера, все того же традиционного «довоенного» счастья. До приобщения супругов к идеалам этого счастья тети Клаши спокойно проживают в Умани, Скопине или Сычуге, где они или вывязывают бюстгальтеры или смело эксплуатируют козу-одиночку, перепро-

давая козье молоко бутылками, стаканами и рюмочками. Все обстоит нормально. Но вот лучшие знакомые рассказывают супругам, что юриконсульт Ф. прекрасно перевоспитывает своего тестя, а у хозяйственника К. вот уже две пятилетки на зеленом сундуке в коридоре живет деверь... Это — волнует. Делается обидно. А где мой деверь? Да что там деверь, когда двоюродная тетка, как-никак своя кровь, прозябает где-то в Сычуге! И хотя супруги прекрасно помнят, что эта басыстая дама жадна и лицемерна, — традиции преодолевают... И ровно через месяц тетя Клаша возглавляет их стол. Пожалуй, это было бы еще терпимо, если бы вот такие «тети Клаши» не воскрешали странных, полуфеодалных чувств.

Честно раздумывая, хозяин дома твердо установил, что эта родственница — «довольно типичный обломок старого мира», но неизъяснимые чувства с вулканической силой потрясают хозяина, когда он слышит, как эту тетю бранят на лестнице за то, что она систематически выметает сор на общую площадку. Родственник врывается на лестницу и, не стесняясь, обрушивает весь свой авторитет делового и уважаемого работника на оробевших домохозяек и представителя саниспекции. Должен же он оградить свое фамильное достоинство!

Нередко же эпопеи с двоюродными тетями оканчиваются гораздо сложнее. Конвейер, действующий с железной закономерностью, приносит еще несколько родственных фигур. Неожиданно приезжает зять тети — пообтертый гражданин с тараканьими усиками. Он не надолго. Всего на 2—3 дня. Покуда не устроится. Но проходит много, много декад, а родственник тети все еще не у дел. И когда, наконец, измученный хозяин сам определяет его на работу, неожиданно выясняется, что этот зятюшка есть лицо, которым давно и с полным основанием интересуются органы охраны общественной безопасности.

Какие позорные объяснения, какой недостойный лепет предстоят еще вчера незапятнанному его покровителю!

А если бы еще месяц назад ему кто-нибудь предложил талантливейшего практиканта избавиться от тесноты общежития или дать возможность пожить у себя старому фронтовому товарищу, с каким изумлением это было бы воспринято! Вселять в свой дом «чужого» человека?.. Где это видано? Да разве что-нибудь подобное делалось?

Подход ко всему с испытанными довоенными мерками, с «довоенной» моралью действует как прилипчивая, заразная болезнь. Допустим, к вашему сыну ходит его любимый товарищ из детского сада — мальчик Федя. Но кто такой этот Федя? Допустим, известно, что его отец — бывший партизан и ныне работает в системе Нарпита. Но ведь в Нарпите есть и официанты? Достаточно ли это подходящее общество для «нашего мальчика»? И «нашего мальчика» всячески стараются оградить от всякого называемого постороннего влияния нарпитовских мальчиков. К счастью, делается известным, что самые бдительные родители изъяли своих детей из системы государственно-общественного воспитания и передали их в специальную группу под руководством все известной Амалии Карловны Фукс. И вот у мальчика отнимают возможность общаться с интересными и дорогими друзьями, пересадив его в инкубатор фрау Фукс...

Или вот в другой семье молодая девушка полюбила молодого человека. Отлично! Превосходно! Самое время!

— Но позволь, дорогая, — спрашивают ее родные, — что он, собственно, собой представляет?

— Как что? — смущается девушка. — Ведь вы его видели? Комсомолец. Вузовец. Будущий агроном. Ну, и... красивый...

— Прекрасно... Очевидно, передовой человек. Но что он собой представляет?

И кислой улыбкой дается понять, что значимость этого молодого человека на данном отрезке времени не больше нуля. А окончательно добывает поколебавшуюся девушку чеканная современная мотивировка: «Это еще не сложившаяся личность, не закаленный товарищ!». Легко ли определить, что под этой гражданской бровей скрывается классическая довоенная формула: «Это «не партия»...

Рис. Л. Генча

УПРАВДОМ: — Вот несознательный народ!.. Видят, что ящик полгода уж как полон, — нет, все норовят свалить сюда мусор!..

Однако вернемся к нашей семье, пришедшей к финишу довоенного счастья. Наконец, израненные гости разошлись. Радостное облегчение охватывает чету Зайкиных: «Было довольно мило...» А главное, ликует хозяйка: «Утерли нос этой Олимпиаде! Теперь можно долго, долго отдыхать!..» Но отдыхать не приходится. Олимпиада Гавриловна уже излагает супругу план мести: «Я покажу этим Зайкиным, что значит интересное общество!.. И откуда они выкопали этого архивного капитанишку? И всем известно, что этого Х. Смертного только что выперли даже из Белгоскино!» И вот в следующий «выходной» все знакомые вынуждены убедиться, что в доме этой четы действительно собрались значительные персоны: тут и заслуженная артистка Каравай-Незевайко; и знаменитый старец-гомеопат Аристарх Плутархович, и солидный хозяйственник тов. Чванчук. А к ужину подается такой крошечный, что Аристарх Плутархович впервые признает, что это именно «тот крошечный»... Удар завершает хозяин дома, демонстрирующий чуть порыжелую шкуру белого медведя, якобы подаренную ему одним из исследователей Арктики.

Теперь можно и «по домам».

Когда за последним удрученным гостем захлопывается дверь, — со страшным облегчением Олимпиада Гавриловна падает в кресло:

— Перешибли! Теперь отдыхать, отдыхать, отдыхать!

Супруги Зайкины возвращаются в страшном молчании. Супругу просто смертельно хочется спать. Он одурел от скуки и лицемерия и счастлив, что все окончилось.

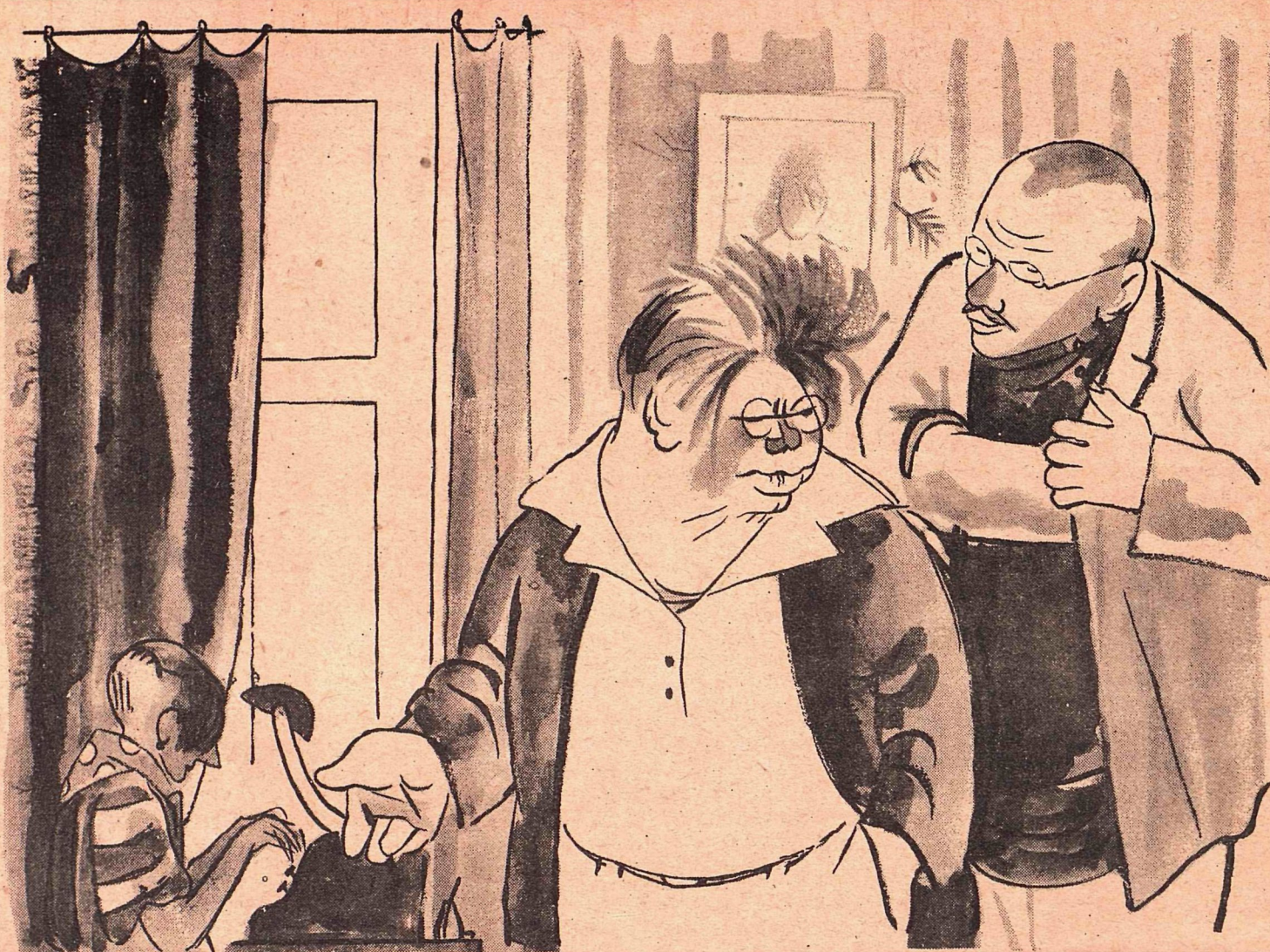
Но его маленькая жена терзается лишь одним: ее «перешибли».

И на рассвете, когда над спящей Москвой проносится серый, предутренний ветерок, она сурово и мужественно расталкивает супруга.

— Слушай, Петя, — говорит она трезвым голосом человека, не спавшего ни минуты. — Слушай, Петя, я буду не я, если в следующий «выходной» у нас не будет Ласкера!

В. ГЕРАСИМОВА

Рис. Л. Соифертиса

НАЧАЛЬНИК: — Почему я должен заняться именно вашим делом? Да у меня дел столько же, сколько волос на голове!..

ПОСЕТИТЕЛЬ: — И все они в таком же беспорядке?

ОТЛИЧНИК

Через несколько дней вторая партия школьников должна была ехать в пионерские лагеря. А пока что Васе Пахомову, отличнику, делать было совершенно нечего. Мать сказала:

— Шел бы ты куда-нибудь. Не мотался под ногами. Сейчас пол буду мыть.

А куда идти? Вася пересчитал свою наличность — два рубля семнадцать копеек. Эскимо что ли купить или «Мишку» на севере?

Зашел в угловую лавочку. Здесь было всего два продавца, без кассирши. На Васю никто и внимания не обратил. Толстый продавец, быстро отщелкивая костяшками счетов, подводил итоги какой-то пожилой покупательнице:

— За масло рубль семьдесят, за сахар четыре десять, за вермишель шестьдесят семь, за макароны рубль сорок...

Покупательница, не мигая, смотрела на костяшки, на волосатые пальцы продавца.

— Итого, восемь тридцать...

— Неверно, — громко сказал Вася. О, он в уме и не такие задачи делал!

— Чего неверно? — поднял голову продавец.

— Сосчитали неверно, — заторопился Вася, — итого всего будет семь восемьдесят семь... А не восемь тридцать...

— Вот спасибо, — повернулась к Васе покупательница, — а то я стою, а он тут нагрохивает. Ишь какой быстрый!..

Продавец перекидал костяшки, итог вышел васин.

— Я отличник. Я и не такие...

А покупатели уже заволновались:

— Они теперь на весах боятся воровать, так новую моду — счета завели.

— Морда у него со счетов вишь какая!

— Разве за ним уследишь? Тыр да тыр...

— Я отличник, — повторял Вася, — у нас в школе и не такие...

— Прямо воруги! Спасибо вот мальчику...

— Тебе чего, мальчик? — быстро спросил продавец.

— Две «Мишки»... Рубль восемь...

Продавец без очереди подал Васе конфеты.

Вася с'ел конфеты. Опять стало скучно. Около дверей какой-то конторы он прочитал объявление:

«Сдесь требуются счетоводы».

Вася быстро вынул огрызок карандаша и начал исправлять ошибки.

— Ты что это здесь хулиганишь?.. — закричал дворник. — Я тебя сейчас в отделение...

— Я ошибки, дяденька.

— Я тебе покажу ошибки!

И опять нечего было делать. Вася пошел домой. Захотелось еще с'есть «Мишку». Вошел в угловую лавочку. Продавец сразу узнал Васю.

Отставив счета, спросил:

— Тебе чего, мальчик?

— Конфету «Мишка»...

— Нету, нету!..

— А вон же...

— Я говорю нету... Значит, нету...

И, провожая васину спину глазами, говорил покупателям:

— Прямо ребята невозможные пошли. Тут как-то не доглядел, один вот такой шпингалет цап селедку с прилавка...

В. ТОБОЛЯКОВ

СВОИ СРЕДСТВА

Итак, по дороге в Сухум, мы приехали с женой в Сочи.

Сочи — ничего местечко. Тут есть санаторий «Ривьера», а при «Ривьере» — парк с разными пальмами, Черное море и ресторан.

Только очень непервоклассный ресторан. Дорого и невкусно. Даже в нашей учрежденческой столовке можно поесть гораздо лучше и дешевле. Хотя лучше не делать этого.

А когда выйдешь из ресторана и из парка, — идти больше некуда: во всех остальных местах грязно и скучно. Можно бы, конечно, пойти на пристань, но зачем же? Теплоход-экспресс, на котором нам ехать, опаздывает. Должен был прийти в 12, а придет только в 1. В Сухум, значит, приедем ночью.

Почему опаздывает теплоход, никто не может объяснить. Но всегда, говорят, опаздывает.

Между прочим, настроение моей жены становится все более нежелательным.

Я нахожу, что женщины слишком требовательны: в вагоне жарко — им не нравится, грязь кругом — тоже не нравится, теплоход опоздал — не нравится. Ничего не нравится. Очень трудно с ними.

На теплоходе очень хорошо. Большое удовольствие плыть на нем по морю. Это даже моя жена признала, когда оправилась от пережитых тягостных ощущений.

Ощущения были порождены переездом на теплоход. Ведь он останавливается далеко от берега. И на него перевозят. Не на катере перевозят, а на какой-то заслуженной лодке, которая привязана длинным канатом к моторному ялику. Она очень култыкается, и когда подходит к теплоходу, то все время норовит отделиться от трапа на полметра и даже на метр. Многим это не нравится. В особенности женщинам, у которых ребенок на руках и которые никогда не работали в цирке. Жалко им ребеночка, если он вдруг выскользнет в море. Правда, акул в Черном море нет, но все-таки неприятно.

Некоторые спрашивают: «Что может быть печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульете?» А попробовали бы они просидеть всю ночь на Сухумском морском вокзале. Тогда бы знали.

Очень это печально. И антисанитарно очень. И делать нечего. И некуда деваться.

Сойдя с теплохода, мы, конечно, решительными шагами направились к гостиницам. Их три. Но ни в одной нам, как и многим другим, даже дверей не открыли. Только смеялись и кричали в дверные стекла:

— Напрасно беспокоите себя, граждане! Все занято!

И вот пришлось сидеть до утра на вокзале.

Жена моя реагировала на это так:

— Нужно быть сошедшим с ума идиотом, чтобы ехать в Сухум без санаторных путевок!

Я, однако, не мог с нею согласиться. Ведь мы с женой ничем не больны, чего я себе и не желаю. Зачем же совать здоровых людей в санаторий? Имеет же право человек поехать в Сухум не для лечения, а так себе, потому что ему захотелось? Все это я объяснил жене (сама она не соображает) и попросил ее не волноваться.

Но она, оказывается, и не думает волноваться. Ей безразлично. Все равно она утром уедет на теплоходе обратно. Ни одной минуты здесь не останется. Теплоход не идет — уедет на авто-

мобиле или уйдет пешком. Только чтобы ни одной минуты. Она решила.

Это решение она отменила только тогда, когда я перестал его опротестовывать. Тогда она сказала, что остается, но в последний раз.

К вечеру нам здорово подвезло: мы нашли и сняли комнату. Приличную. Даже с кроватью, только на кровати ничего нет и в комнате нет ничего кроме кровати. Но зато дешево. Хозяйка сказала:

— Потому и сдаю недорого, что не всякий снимет: рядом мой сын всю ночь на радио играет и поет под него, так что спать жильцам затруднительно. Ну, да вы ж не работать приехали, а отдыхать.

А какое море! Из-за одного моря стоило приехать. И уже можно купаться. Только нельзя: не в чем. И нигде нельзя купить ничего такого, что надевают для купанья. Оказывается, это надо было везти из Москвы: в Москве оно есть, хотя там нет моря.

Я, положим, нашел выход: прорезал в наволочке две дырки для ног, а открытую сторону подпоясываю веревочкой. Правда, наволочка, когда намокнет, надувается вроде бычьего пузыря, и тогда нельзя нырять. Но зато не утонешь. В крайнем случае, под водой останется только голова, а остальное будет плавать.

Однако жена моя купаться в наволочке не соглашается: она, видите ли, не желает быть посмешищем. Чьим, — неизвестно: меня-то все это ни капельки не смешит.

Написал письма. Отнес на почту. Но на почте, оказывается, нет конвертов. И не бывает. Их, вообще, надо было везти с собой из Москвы.

Отнес письма домой.

Вот и месяц прошел. Домой! Один поеду. Жена едет не со мной, а с каким-то совсем другим человеком. Говорит, что он высокопорядочный. Говорит, что, по его мнению, глупо было ехать в Сухум, глупо было ехать без путевки, без конвертов и без купальных трусов.

Ну что же: может, он лучше знает. Я о себе уже сказал: ездить я не умею.

ГРАМЕН

ЗАКОННОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Рис. Бор. ЕФИМОВА

— Это неслыханно: у них народ обсуждает Конституцию!

— Меня больше беспокоит, что и у нас народ обсуждает эту же Конституцию!..

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Мы живем в рабочем поселке Сураханы. Однодневный дом отдыха, куда каждый выходной едут отдыхать рабочие-нефтяники, находится в Бузавнах. Чтобы попасть туда, надо ехать узкоколейкой. На одну только дорогу в дом отдыха уходит 3—4 часа.

Реши, пожалуйста, задачу: сколько времени тогда остается на самый отдых.

Решение задачи прошу сообщить Бакинскому совету, который никак не может понастоящему наладить в выходные дни автобусное движение между Сураханами и Бузавнами.

Буровой мастер Ленинского промысла, орденосеец

ЗАХАР ПАРФЕНОВ

Бузавна.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Недавно я был на концерте и слышал, как читали рассказ Чехова, в котором мальчик Ванька шлет письмо с таким адресом: на деревню, дедушке. Все очень смеялись, а я сидел и даже не улыбнулся. Потому что я письмоносец и знаю, сколько у нас сейчас имеется взрослых Ванек, которые посылают письма с такими адресами. Вот, например, с каким адресом письмо мне пришлось наднях принять для разности: «Кисловодск. Управление строительством санаторий: Сочи, Мацес., Кисловодск, Ессент. и Железноводск. Профгору для Борисовой Анне Прокофьевне—Шевченко Анне Прокофьевне». Как ты думаешь, дорогой Крокодил, сильно отличаются такие адреса от чеховского: на деревню, дедушке? Только длиннее и бестолковее. Почему же мы, письмоносцы, от которых требуется грамотность, должны страдать от чужой безграмотности?

Письмоносец

ИВАН СЛОБОЛЕНЮК

Р. С. Товарищ Крокодил, письмо гр. Шевченко прошу мне вернуть. Я отошлю письмо отправителю Шевченко с соответствующей справкой и реестром.

И. С.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Как у тебя в Москве насчет начала спектаклей? Нас, жителей г. Дрыбина, это интересует 'вот почему: приехала к нам труппа Белгостеатра и начала спектакль вместо 8 вечера в 10 минут первого. А когда мы просили у театрального администратора Лapidуса, нельзя ли начать раньше, этот уважаемый товарищ ответил: «Нельзя, еще не прибыли члены райкома, которые заседают». Интересно знать: как же поступают театры в Москве, где, как известно, много райкомов и много заседаний и еще больше зрителей?

С. ВИРИДОВ

Дрыбин. БССР.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Трудно поверить, находясь в общезитии Хохловского деревообделочного завода, что Москва расположена в полосе умеренного климата. Люди задыхаются в общезитии от тропической, африканской жары. Не думай, однако, дорогой Крокодил, что нашу Хохловку превратил в тропики какой-нибудь гениальный ученый, сумевший изменить климат искусственным путем: просто наш механик парового отопления никак не может справиться с вверенным ему паром, и отопление действует до сих пор в июле. Теперь мы боимся, что в конце концов работяга-механик все же завинтит пар и отопление перестанет действовать... в январе.

ОРЛОВ

Москва.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Сообщаю тебе о неприятном факте литературной нечистоплотности.

Журнал «Техническая пропаганда»—орган научно-исследовательского сектора Техпропа Наркомтяжпрома—запросил у дирекции завода им. Петровского статью о работе доменного цеха, получившего знамя «Правды» в IV всесоюзном соревновании металлургов.

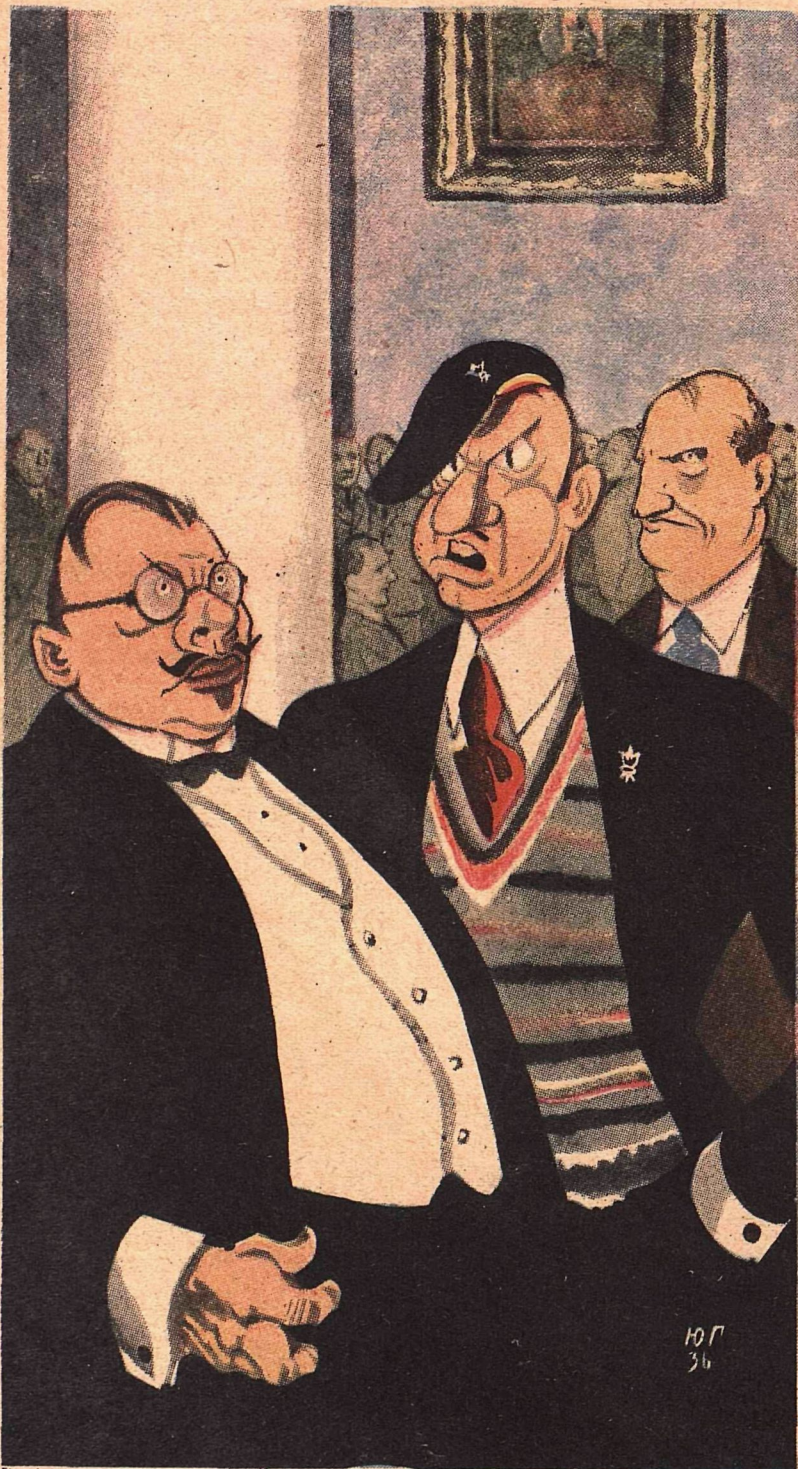
Статью написал инженер Владавский. К моему удивлению, в № 7 журнала помещена эта статья за подписью С. Непомнящего. Кто такой С. Непомнящий, не знаю. Есть угольщик тов. Непомнящий, есть мартеновец тов. Непомнящий, но, конечно, не они занимаются такими делами.

Кто этот таинственный С. Непомнящий? Может, ты знаешь, товарищ Крокодил?

Начальник доменного цеха завода им. Петровского
Г. ПАУСТОВСКИЙ
Днепропетровск.

РАЗГОВОР В КУЛУАРАХ

Рис. Ю Ганфа

— Тем, кто клеветает на нас, будто бы наша лига тайно вооружена, мы будем отвечать с оружием в руках.

ОБЕЗЬЯНИЙ ПОХОД

Сызранская газета «Красный Октябрь» (№ 43) поместила небольшой, но красочный опус под названием «Обезьяны», навеянный, повидимому, заезжим зверинцем. Весь опус — сплошное разоблачение обезьяньих происков и вопль против их существования в природе. Автору опуса тов. Туркеничу окончательно разонравились обезьяны.

«Благородство внешних форм,— горько пишет он,— у этих обезьян исчезло совершенно, а умышленные отправления совершенно подавлены необузданной безнравственностью».

«Обезьяны вообще считаются самыми скверными животными из всего животного царства...» — приходит автор к убийственному для обезьян выводу. Больше того, нессимпатично настроенный автор лишает обезьян даже чисто обезьяньих повадок, приписывая их неизвестно чему:

«Если они и поражают нас своими проделками и баловством, то это объясняется только их физической возможностью к этому».

Повидимому, мы здесь имеем дело со скучающим рецензентом, который настороженно относится ко всем приезжающим в его родной город зрелищным предприятиям. Оперетта приехала — оперетту бы выругал; пришла новая картина — нашел бы идеологические упущения; тенор концерт дает — возглавил бы поход против теноров в мировом масштабе. А тут вдруг — обезьян привезли. Ну как же в конце концов не выявить слабую идеологическую сущность этих замысловатых животных, привезенных в город Сызрань? Вот и разоблачил. А замредактора Н. Одесов, подписывающий газету, повидимому, втихомолку даже хвастается среди друзей и знакомых:

— А уж как мы сегодня обезьян проработали! Прямо пальчики оближете! Покажутся они теперь перед лицом сызранской общественности!

УСТРОЕННЫЙ ШЕКСПИР

На каждого сироту сыщется свой благодетель. В этом отношении повезло и Вильяму Шекспиру, наконец-то подыскавшему себе настоящего редактора. Таковым оказался режиссер красноярского драматического театра Е. И. Буш. О постановке «Отелло» местный «Красноярский комсомолец» (20/V) восторженно сообщает:

«Тов. Буш пришлось столкнуться с недостатком средств на оформление спектакля: маленькая сцена заставила ПЕРЕСТРОИТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ, СДЕЛАТЬ ВЫ-

МАРКИ ИЗ ТЕКСТА, НО ЭТО СДЕЛАНО ТАК, ЧТО ТОЛЬКО ОТТЕНЯЕТ ОСНОВНУЮ МЫСЛЬ ШЕКСПИРА» (курсив наш.— Редакция Крокодила).

Оттенять мысль Шекспира путем вымарок из текста — способ еще мало популярный в области шекспироведения. Вносим добавочное предложение: не вымарать ли еще более выпукло творческие замыслы великого драматурга, если вымарать заодно и красноярскую постановку?

НА ШЕСТИ СТУЛЬЯХ

Мы за настоящую, хорошую оплату врача, особенно если врач хорошо работает и успевает обслужить больных. Не в порядке щедрости, а в принципе мы ничего не имеем против того, что скопинский (Московская область) врач Мязин зарабатывает более тысячи рублей. Но вот как эта тысяча рублей составляется:

Основная должность врача Мязина — хирург амбулатория. За это он получает 350 рублей в месяц. По совместительству Мязин является заведующим амбулаторией, за что получает 175 рублей в месяц. В Октябрьской амбулатории только два врача: хирург Мязин и детский врач Селиверстов. Они вместе обслуживают терапевтический кабинет и делают пополам ставку терапевта. Таким образом Мязин получает еще 150 рублей. Кроме того Мязин является врачом по оказанию помощи на дому — новая ставка 175 рублей; врачом здравпункта шахты № 46, за что получает 87 рублей; врачом Скопинского дома отдыха — опять 150 рублей.

Нас интересует, как чувствуют себя больные, которые в тов. Мязине должны видеть не врача, а заводную фигуру, едва успевающую добежать до больного, чтобы вернуться к одному из шести пристанищ, где ему идет ежемесячное жалованье.

КРАХ ОБЩЕСТВЕННИКА

Не каждому дано блеснуть почтенным прошлым. Но каждому хочется указать на свою прошлую общественную деятельность, на свой, так сказать, исторический путь.

Не так давно была ликвидирована в Одессе шайка спекулянтов кожей. Один из ее руководителей, некий Флит, во время гражданской войны, оказалось, был председате-

— Спору нет, приговор окончательный и обжалованию не подлежит, но исправлению от грамматических ошибок подлежит обязательно.

лем следующих мощных общественных организаций в г. Балте:

«Общество помощи пострадавшим от советской власти».
«Помощи раввинам».
«Помощь бедным невестам».

И вот вам результат черной неблагодарности! Стоило только человеку с таким блестящим общественным прошлым заняться спекуляцией, как никто, решительно никто, не помог: ни один раввин, ни одна бедная невеста.

РАЗНОЕ

Богучарский горсовет (Воронежской области) не чуждается проблем сегодняшнего дня. Но так как проблем в нашу бурную эпоху много, а он, горсовет, один, приходится проблемы подкапывать, чтобы прорабатывать, согласовывать и увязывать их с минимальной затратой времени и сразу заодно. Вот, например, текст повестки, разосланной президиумом городского совета наднях:

«Всем председателям профорганизаций и месткомов.

18/VI с. г. в 5 часов вечера в горсаду состоится пленум горсовета. Ввиду важности поставленного вопроса на повестке: проработка проекта Конституции,

проекта закона об абортгах и решения 3-го пленума Комиссии советского контроля,— необходимо обеспечить стопроцентную организованную явку членов союза под вашим руководством на пленум».

Как видно, ни одной из важнейших проблем нашего дня горсоветом во времени не отказано: и Конституция получила свое, и закон об абортгах, и работа Комиссии советского контроля. А если это время исчисляется всего одним — двумя часами, так ведь что же требовать от президиума городского совета, который, наверное, считает это не горсоветским делом, а тем, что на повестках дня обычно красочно обозначается: «разное»?

Рис. Ю. Ганфа

ХОЗЯИН (бандиту): Ну, вот... Вы еще соль рассыпали... Теперь мы уж совсем поспоримся...

50

M5166

23 АРТ 1938

Рис. Л. Бродаты

ВРАТА. ЭЛЕМЕНТАРЫ

29 ИЮЛ 1938

СССР. НА. ПА

— Симфония Бетховена исполняется здесь недурно. Но не слишком ли это сложная музыка для колхозников?
— Да вы спросите у самих колхозников, когда они кончат ее играть.